

Телегид

«Жестокий романс»: двадцать лет спустя

Завтра в одном из столичных клубов будут чествовать необычного юбиляра — 20 лет исполняется фильму Эльдара Рязанова «Жестокий романс», снятому по пьесе Александра Островского «Бесприданница». В 1984 году, когда картина только вышла на экраны, советский зритель, без преувеличения, приступом брал кинотеатры.

Привлекало все: звездные имена задействованных в фильме актеров, личность самого режиссера — на тот момент Рязанов был одним из немногих, кто не приветствовал превращение искусства в орудие идеологической борьбы. Минуту 20 лет.

Что стало с главной героиней фильма, актрисой-красавицей Ларисой Гузеевой?

О каких забавных закадровых эпизодах будут вспоминать завтра ее коллеги по съемочной площадке?

И почему мы по-прежнему во власти этого фильма?

Андрей Мягков чуть не отдал жизнь за кино

А фильм оказался непростым: неотразимый негодяй Паратов — барин и растлитель душ юных дам — сразил наповал всех советских женщин. Никита Михалков в этом фильме превзошел себя — его белый костюм и донжуанские усы заставляли забыть о классовой ненависти. С другой стороны, жалкий «маленький человек» — герой Мягкова — мало у кого вызывал сочувствие. И это при том, что актер едва не лишился жизни на съемках картины. «Это случилось во время сцены, когда Карандышев в лодке пытается догнать пароход «Ласточка», — рассказывал Мягков через несколько лет после выхода ленты на экран. — Пароход был XIX века, очень красивый. Его за большие деньги специально доставили в Кострому, где проходили съемки. Меня попросили подгresti к пароходу как можно ближе, чтобы камера могла показать его во всей красе. Я старательно греб, сидел спиной к пароходу и не заметил, как лодка вплотную подошла к лопастям судна. По величине лопасти были не меньше двухэтажного дома. Мне повезло, что лодка была дореволюционная, из дуба, а не современная, из досочек. Когда по носу ударило одной из лопастей, лодка не разбилась в щепки, а встала вертикально. Я, естественно, ушел под воду. В это время капитан сумел остановить пароход и дал задний ход. Група затаив дыхание стояла на берегу. Все боялись, что меня засосало. Но я всплыл. Правда, не сразу понял, почему я жив. Находясь под водой, я уже успел подумать, что смерть достаточно нелепая. И как обидно, что обвинят группу, в частности Рязанова. Успел сознанием перекинуться в Москву, к жене, представить, как меня будут хоронить. В общем, уже смирился с тем, что утону. Паники не было, было состояние полного покоя. Кстати, перед съемками этой сцены я был в Ипатьевском монастыре. Помню, очень долго стоял перед иконостасом. Настолько долго, что прибежали со съемочной площадки: «Скорее, скорее, Андрей Васильевич, мы вас ждем». И я прямо бегом помчался к съемочной группе. Думаю, спастись тогда мне помог Бог».

Трагический конец «Ласточки»

Мало кто знает, что теплоходу, который едва не убил любимого рязановского актера, к тому времени исполнилось аж 70 (!) лет. Корабль, носивший гордое имя «Спартак» («Ласточкой» он стал лишь на время съемок), был построен в 1914 году на знаменитой нижегородской Сормовской верфи. Теплоход был не одинок: у него была так называемая «сестра-близнец». При рождении корабли получили названия «Великая княжна Ольга Николаевна» и «Великая княжна Татьяна Николаевна», в честь старших дочерей государя-императора. Во время революции они сначала сменили пол — стали «Алешей



Поповичем» и «Добрыней Никитичем» соответственно, а потом и вовсе превратились в «Спартак» и «Володарского». Теплоходы пережили революцию и Вторую мировую. Что касается съемок в «Жестоком романсе», то из-за этого «Спартак» даже не сошел с курса — просто на несколько дней сделал остановку в Костроме, где и проходило все действие. И только в 1991 году старожилы волжского судоходства отправились на покой, а чуть позже, увы, сгорели по недосмотру сторожей.

Многоголосая Лариса Огудалова

Прекрасные пронзительные глаза Ларисы Гузеевой свели с ума Рязанова, а вслед за ним и всю страну. Не меньшее впечатление произвел на зрителей глубокий, чуть дрожащий голос бесприданницы. Однако, как выясняется, этот сексуальный голос принадлежал совсем другой актрисе. Знаменитая кинозвезда Анна Каменкова полностью озвучивала все монологи Гузеевой. «У Ларисы нет голосовых данных», — поведала Каменкова. — Зато она актриса замечательная». Поэтому и пришлось Гузееву дублировать. И не только Каменковой — изумительные романсы, которые поет Огудалова своему возлюбленному, исполнены известной певицей Валентиной Пономаревой. Певица очень трепетно относилась к поэзии Цветаевой и Ахмадулиной, а потому петь романсы на их стихи не решалась. Но с «Мосфильма» звонили, уговаривали. В тот день, когда Валентину пригласил на запись Рязанов, у нее была температура под 39. Но не станешь же об этом говорить, если специально, на один день, приехал из Петербурга в Москву композитор Андрей Петров, и уже был собран огромный оркестр.

Настоящим ударом стало для Пономаревой то, что в титрах к фильму ее не указали. «Все было сделано так, будто романсы исполнила Лариса Гузеева, — жалуется Валентина Пономарева. — Например, Эльдар Рязанов, рассказывая в «Кинопанораме» о Гузеевой, не преминул заметить, что девочка она музыкальная. При этом на экране демонстрировалась пластинка, на обложке которой была запечатлена Лариса с гитарой в окружении моих музыкантов. В эти минуты шел соответствующий музыкальный фон — звучал романс «А напоследок я скажу»... в моем исполнении. Рязанов рассказывает — а я сижу дома и реву. Ведь все было сделано так, чтобы зритель поверил: поет Гузеева. Но шло в мешке не утаишь. На многочисленных встречах со зрителями Ларису всегда просили исполнить романсы, и каждый раз ей приходилось объяснять, что в фильме поет не она. Я же была вынуждена сделать ответный шаг. Заказала себе афишу «Романсы из кинофильма Эльдара Рязанова «Жестокий романс». Свой концерт назвала «А напоследок я скажу...». Проехала с ним по всему Союзу. Сначала шли кадры фильма — потом на сцене появлялась я и начинала петь».

Алина РЕБЕЛЬ

— Лариса, фильм «Жестокий романс» стал вашей путевкой в жизнь. Как вы сейчас к нему относитесь?

— Я не смотрю этот фильм. Посмотрела только один раз, когда он вышел. Мне вообще нравится, что этот фильм был в моей судьбе, что он есть. И слава Богу. Но сказать, что я просыпаюсь и думаю, какой был замечательный «Жестокий романс», такого нет. Этим человек не живет, это все какие-то мифы странные. У вас тоже в жизни, наверное, были какие-то судьбоносные моменты. Это же не значит, что вы прямо с утра до ночи о них помните. Слава Богу, что он был. Это какой-то пройденный этап, вслед за которым пришел другой этап. И следующие более сильные эмоции, например, такие, как рождение детей, затмевают все это. Понимаете, в жизни все очень взаимосвязано, ничего нет отдельного. И тем не менее я очень благодарна Рязанову.

— Ваша судьба хоть немного похожа на жизнь Ларисы Огудаловой?

— Нет, конечно. Я жива, слава Богу, а Ларису застрелили. Понимаете, мне сорок лет. Понятно, что в сорок лет все переживается иначе, чем в двадцать. И страсть разного уровня, и страдания. Что сейчас у меня может быть с ней общего? Я взрослая женщина, которая в двадцать лет сыграла юную девушку. Ничего общего.

— Почему вас так мало сейчас снимают?

— Потому что я очень избирательно отношусь к работе. Сейчас в основном снимаются сериалы. А я могу себе позволить не сниматься в скоропортящемся продукте. У меня есть другие занятия — ресторанный бизнес, телевидение, спектакль, дети. Так что мне есть чем заняться. Если будут интересные предложения в кино — с удовольствием. Вы вообще так спрашиваете, будто у нас снимается кино так же часто, как раньше, а я нигде не играю. Это ведь не так. Кино снимается мало, а актеров много.

— Лариса, вы стали телезвездой в последнее время...

— Ну, это вы загнули. Никакой телезвездой я не стала.

— ...И тем не менее: вы ведете женскую программу «Я — мама».

— Я не считаю, что «Я — мама» — программа женская. У меня очень часто в программу приходят герои-мужчины. Просто если мы хотим, чтобы у нас было нормальное общество, то мы должны заниматься воспитанием детей, потому что они наше продолжение и им в конце концов создавать жизнь, будущее. Поэтому это немаловажно, ведь дети не могут сами по себе вырасти и построить новое общество. Обязательно нужно закладывать какой-то фундамент. А я с помощью психолога и своих гостей помогаю миллионам людей найти ответы на волнующие их вопросы.

— Откуда эта тенденция телевидения — работать именно на слабый пол?



**Лариса Гузеева:
«Жестокий романс»
я смотрела один раз»**

— А у нас из одной крайности в другую — сначала снимали про бандитов, сейчас хотят обязательно розовые сопли: он-она, родили детей и так далее. Просто у наших телевизионщиков такой менталитет — все происходит волнами.

Наверное, это в какой-то степени и попытка следовать за Западом. Вот пытаются сейчас подражать «Сексу в большом городе», просто не в состоянии придумать что-то свое.

— А вы сериалы смотрите?

— Нет, у меня на это нет времени. Я иногда щелкаю по каналам. Но одни и те же актеры, одни и те же приемы, которые приемами актерскими назвать трудно. Это такое домашнее видео. Раньше снаряжались экспедиции, выбирали натур, работали целые цеха, чтобы снять одну-единственную картину. И то не факт, что она была первого класса. А сейчас появилась манера снимать в какой-то квартире, полуподвале. Это кино назвать нельзя. Когда Годар снимал малобюджетные фильмы,

он страдал несколько лет, чтобы потом за 30 тысяч долларов снять шедевр, который до сих пор все смотрят.

— А почему такое произошло с нашим кинематографом?

— Ну, это очень долгая философская тема. А почему случилась перестройка? А почему происходит то, что происходит в нашем якобы демократическом государстве? Впрочем, это уже совсем не юбилейные темы.

Алина РЕБЕЛЬ